

Спустя два или три дня после отступления французов (они беславно ушли из русской столицы в ночь на 11 октября 1812 года) Ростопчин в сопровождении драгун, казаков и гусар въехал в первопрестольную с Рогожской заставы. Первый взгляд на Москву не произвел гнетущего впечатления: в октябрьском небе, как и прежде, бодро отливало золотом и серебром церковные главы...

Еще могло показаться, что город, несмотря на военные обстоятельства, встретит своих обитателей прежним радушием и уютом. Ведь всего 39 дней были здесь французы! Но ошибался тот, кто так думал! На самом деле масштабы разрушений превосходили самые страшные предположения. Ростопчин проехал Рогожскую заставу, Таганку, Солянку, Китай-город: не встретил ни одного дома, все было сожжено или разрушено. На огромном пепелище еще дымились кучи кирпичей и обгорелых бревен. Это был бесконечный лес из одиноких почерневших труб. Кое-где стояли закопченные дома без крыш, с обвалившимися стенами. Местами попадались горы лошадиных трупов...

У Иверских ворот Китай-города лавки с обеих сторон были сожжены и разбиты. Спасские ворота оказались заперты, Никольские ворота завалены обломками шпилья (во рву под мостом валялся двуглавый орел, прежде венчавший башню).

При всех страшных известиях, доходящих из Москвы, истинная картина Кремля оказалась еще ужаснее: обожженные человеческие трупы лежали вперемешку с конской падалью. Царский дворец сгорел, на большой лестнице валялись кучи соломы, капуста, картофеля. Грановитая палата была сожжена, кое-где еще струился дым. Но оба собора остались целы (!), несмотря на то, что Василий Великий получил продольную трещину по стене, обращенной к Красному крыльцу. Огромная пристройка патриарха Филарета к Ивану Великому, оторванная взрывом, лежала при его подножии. Сенат, Оружейная палата, дом митрополита были разграблены и разорены, взорвана половина Арсенала.

В Успенском соборе французы устроили мастерскую по переплавке платины, золота, серебра: у патриаршеского места на стене был начертан счет — 325 пудов серебра, 18 пудов золота. В Благовещенском соборе навалена бездна бумаги, святые мощи частью расхищены, частью изучены и разбросаны: царевичу Дмитрию отрубили руки и голову. Погибло собрание рукописей и древностей графа Мусина-Пушкина (в том числе знаменитый список «Слово о полку Игореве»), сгорела библиотека графа Бутурлина, стоившая миллион рублей.

Москва испытала последствия тех же мерзостей и того же буйства, что и два века назад, во время нашествия поляков. Из 237 московских церквей 115 сгорели, от двенадцати храмов остались только пепелища, остальные разграблены, превращены в конюшни, амбары и бойни, загажены навозом. Ростопчин был настолько поражен увиденным, что появившаяся было бодрость совсем покинула его. Из 9128 каменных зданий в Москве осталось 1725, из 8788 деревянных — 2479. Москва и губерния понесли ущерб на 320 миллионов рублей. В городе, прежде насчитывавшем 275 тысяч жителей, осталось всего несколько тысяч нищих обитателей, боявшихся показаться на улицу.

По личному указанию Наполеона был сожжен загородный дом Ростопчина, который стоил не меньше 150 тысяч рублей. Благо, что дом на Лубянке уцелел, хотя Наполеон лично приказал при отступлении уничтожить и его (может быть, уберегла расположенная рядом деревянная католическая церковь?). Вернувшись в свой дом, Ростопчин на протяжении суток никуда не выходил, днем и ночью безумцем бродя по пустым разграбленным комнатам: не осталось ни картин, ни книг, ни даже инструментов для физических опытов, которые он любовно собирал на протяжении многих лет. О чем бы ни спраши-

В орловском издательстве «Вешние воды» готовится к изданию книга Алексея Кондратенко «Жизнь Ростопчина», посвященная судьбе ливенского уроженца, видного государственного деятеля, губернатора Москвы в 1812 году Федора Васильевича Ростопчина. Отрывки из книги уже несколько раз публиковались в «Просторах России». Сегодня мы предлагаем вниманию читателей главу, посвященную памятным страницам истории Отечественной войны 1812 года — возвращению москвичей в свой сгоревший город, началу восстановления Москвы. Это было ровно 190 лет назад...

Градоначальник сгоревшей Москвы

Неподкупный и строгий Ростопчин, распорядившийся миллионами рублей, не шел ни на какие темные сделки, которыми так богато строительное дело.

вали Ростопчина, он начал плакать и твердить одно и то же: Москва погибла, превратилась в общую могилу, в мире нет таких сил, чтобы поднять ее!

Как ни тягостен был возврат в Москву, нескончаемые заботы жителей города заставили Ростопчина впрягаться в дело.

В начале декабря 1812 года Александр I уехал из Петербурга. Отправляясь в действующую армию, царь поручил Ростопчину немедленно собрать достоверные сведения о числе пострадавших от войны жителей Москвы и губернии и об их нынешнем положении, представить предложения о вариантах помощи им. Ростопчину было также приказано разместить беженцев таким образом, чтобы не допускать тесноты, порождающей эпидемии.

Приказы, распоряджения, поручения... Конечно, одной из самых опасных видов угрозы эпидемий: вода в реках, прудах и колодцах отравлена мертвыми телами. Только на Бородинском поле в течение зимы было сожжено 58 630 человеческих трупов и 31 765 убитых лошадей. В Москве сожгли более 23 тысяч трупов тех, кто умер в дни оккупации: в декабре ежедневно предавали огню по 200 — 300 человеческих тел и по сотне лошадиных трупов.

К концу года в город вернулось 64 тысячи жителей. Ростопчин раздавал деньги нуждающимся от имени императора (соответственно состоянию, возрасту и понесенным утратам). К примеру, тем, кто обитал в землянках, давали по 15 — 20 копеек на день. Бедняков поместили в богадельни, снабдили теплой одеждой. Уже 19 октября была восстановлена работа почты, в декабре возобновили деятельность присутственные места.

Ростопчин задумал издать за собственные средства солидное описание Отечественной войны: портретами всех полководцев и героев. Он начал собирать материалы, поручил художнику Александру Витбергу писать портреты, иллюстрации, делать макет книги. Именно под впечатлением этой масштабной работы у художника родился замысел создать проект грандиозного храма в память о событиях войны 1812 года. Александр был в восторге от идеи Витберга — предполагалось построить собор на Воробьевых горах. Художника поставили во главе комиссии, которая должна была руководить грандиозной стройкой.

Еще в декабре 1812 года Ростопчин послал Александру три проекта памятника в честь победы над Наполеоном.

Весной 1813 года для восстановления и реконструкции Москвы решением Александра была создана Комиссия для строений, которая просуществовала до 1842 года. Возглавить комиссию царь поручил Ростопчину (в ранге главного начальника комиссии), директором был князь М. Д. Цицианов, видное место занимали в ней лучшие архитекторы Москвы О. И. Бове, А. Г. Григорьев, В. И. Гесте и другие. Комиссия имела пять кирпичных заводов, ей подчинялось несколько строительных батальонов. Было налажено производство колонн, дверей, оконных рам, лепнины, чтобы придать архитектурную целостность восстановленному городу.

Звучив предложения, Ростопчин принял решение: внести коррективы в исторически сложившийся облик

города, особенно его центра. Спрямылись и расширились улицы, получила новую парадную застройку территория, окружавшая Кремль и Китай-город. Великолепным ожерельем вокруг них создавались новые площади (Калужская, Серпуховская, Миусская, Конная), реконструировались старые (Воскресенская). Возобновилась начатая в конце XVIII века прокладка кольца бульваров и прилегающих к нему улиц. Главным делом комиссии стала, конечно же, реконструкция Красной площади. У стен Кремля был разбит Александровский сад.

С необыкновенным воодушевлением встретила Москва известие о победе в Лейпцигской битве в начале октября 1813 года. Это была особая радость и для Ростопчиных: за доблесть в битве сын Сергей был награжден орденом святой Анны с алмазами. Да к тому же у бравого гусара родился младший брат — 13 октября у Ростопчиных появился на свет второй сын, Андрей.

Федор Васильевич хоть ненадолго отстранился от тягостных забот сгоревшей Москвы. Он распахнул двери своего кабинета для всех горожан: сотни людей пришли к нему, чтобы поздравить с победой, рождением сына и от всей души расцеловать.

Вскоре возродился и московский театр. Первой пьесой, сыгранной на московской сцене в 1814 году, была драма Бориса Федорова «Крестьянка-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы». Пьеса шла тридцать раз подряд и всегда с аншлагом...

Но, как ни удивительно, в глазах публики несомненные заслуги Ростоп-

чина в деле восстановления и генеральной реконструкции города не имели особого веса. Было немало тех, кто на все лады объявлял Ростопчина главным виновником пожара, в котором погибли не только тысячи зданий, но и огромные культурные ценности, а главное — раненые русские солдаты.

В чем же заключалась причина формирования в послепожарной Москве сильной враждебной партии? По всей вероятности, неподкупный и строгий Ростопчин, распорядившийся миллионами рублей, не шел ни на какие темные сделки, которыми так богато строительное дело. Подрядчики и хозяева, стремившиеся нажить за счет государства на завышении расходов, получали жесткий отпор со стороны градоначальника. А о том, что желавших получить из царской казны жирный куш оказалось великое множество, можно судить хотя бы по такому курьезному случаю: одна барыня выставила Ростопчину счет на 380 рублей за сгоревших во время пожара канареек!

За два года, которые минули после сдачи Москвы, Ростопчин сильно поухудел, стал необычайно раздражительным, его одолевала бессонница. Несколько раз обращался он к царю с просьбой предоставить отпуск хотя бы на два-три месяца, чтобы подлечиться на Липецких минеральных водах, поближе к своим ливенским и воронежским именьям. Однако эти обращения остались без всякого ответа. Казалось, самодержец не хотел никаких компромиссов и ждал только одного — прошения об отставке. Вернувшись в середине 1814 года из Парижа Александр получил множество жалоб на Ростопчина.

30 августа 1814 года было официально обнародовано решение Александра об отставке Ростопчина, на его место назначался генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов. Из Петербурга Ростопчин написал жене: «Итак, мой друг, третьего дня совершился мой развод с Москвой. Счастливым супругом и обладателем этой капризной очаровательницы будет генерал Тормасов, человек хороший, лет 60 от роду, вдовец, слабый характером, с приемами светского человека. Я остался состоящим при особе Государя (крайне редкое отличие. — А. К.) и, к великому моему изумлению, членом Государственного Совета, причем это не возлагает на меня ни малейших обязанностей. Милостей было много...»

Так закончилась одна из самых ярких страниц в жизни Ростопчина. Последующие восемь лет ему предстояло провести вдали от России — вместе с семьей он надолго уехал за границу.

Алексей Кондратенко.

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ:

- Ф. В. Ростопчин.
- Пожар Москвы.
- Проект памятника в память 1812 года в Москве (первая четверть XIX в.).

